

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 133 с.

Небольшая по объему, но исключительно емкая по своему содержанию, книга А. В. Бондарко, посвященная обоснованию принципов функциональной грамматики нового типа, заставляет задуматься о многих кардинальных проблемах современной лингвистики, и прежде всего о путях развития нашей науки и складывающихся в ней канонах грамматического описания языка. Она вводит читателя в сложный и интересный мир поисков адекватной модели представления языка и всех тех понятий, которые необходимы, по мнению автора, для осуществления этого глобального замысла. Четкая композиция работы, ясный стиль изложения, оригинальность — все эти черты прежних исследований А. В. Бондарко особенно ценны здесь, в теоретической монографии, подводящей итоги его собственной многолетней деятельности в сфере грамматики и предлагающей продуманную и ясно аргументированную концепцию грамматического описания нового типа. Именно поэтому все, что говорится далее о книге А. В. Бондарко, мыслится не столько как рецензия на нее в полном смысле этого слова. Это скорее соображения по поводу книги, размышления, которые связаны с поставленными в ней проблемами и их решениями. Вместе с тем прежде чем поделиться этими соображениями, кажется важным хотя бы бегло охарактеризовать содержание книги и ее общий замысел.

Книга композиционно проста и содержит три главы. В первой из них освещаются предмет и задачи функциональной грамматики и дается краткая характеристика трех разновидностей функционально-грамматических описаний: основанных на принципе «от формы к значению», «от средств к функциям», на принципе «от значения к форме», «от функций к средствам» и, наконец, на синтезе направлений анализа от формы и от значения (ср. [1]). В первой главе изложены также кратко взгляды сторонников того или иного типа грамматики и показы-

вается их место в разработке теории функционального описания. Указывается, например, что принцип «от значения к форме» уже лежал в основе развернутого описания совокупности понятий и средств их выражения в известном труде Ф. Брюно, в котором уже ставилась задача «реформировать грамматику» (с. 12). Но сам Брюно связывал свой принцип описания языковых фактов с практическими целями преподавания. Указывает автор и на важные идеи Л. В. Щербы о различении активной и пассивной грамматики: известно, однако, что Л. В. Щерба скептически относился к возможности последовательного построения грамматики в направлении «от смысла к форме» (с. 12). Можно было бы добавить, что функционально-ономасиологический подход был предложен и в теории лексико-грамматических полей Е. В. Гулыги и Е. И. Шендельс, а также Г. С. Щура. Но задача этой главы видится автору, конечно, не в том, чтобы изложить историю формирования функциональных грамматик, а чтобы сформулировать свое отношение к предлагавшимся и ранее разным направлениям грамматического анализа и подойти к определению, даваемому здесь таким центральным для книги понятием, как функция и функционирование, а, главное, охарактеризовать ту разновидность функциональной грамматики (ФГ), которая оперирует понятием функционально-семантического поля (ФСП).

Глава II разъясняет структурные типы ФСП, прежде всего поля таксиса. Подробное описание получает поле таксиса в русском языке. Глава III посвящается выдвинутому понятию категориальной ситуации как понятия, необходимого для разработки и теории поля и связывающего поле в системе с полем речи, «с полем в его отношении к передаваемому высказываемому ситуации» (с. 99). В итоге в книге последовательно рассмотрены общие основания ФГ нового типа и два ее главных конституента — функционально-семантическое поле и категориальная

ситуация. Рассмотрев композицию книги, мы можем перейти теперь и к освещению ее замысла.

Итак, в чем видит конечные цели создания функциональной грамматики ее автор? С помощью какой системы понятий предлагает он строить грамматику нового типа? Каким конкретно видится ему план грамматического описания и что, по его мнению, должно быть сюда включено?

По всей видимости, термин «функциональный», внесенный в название типа грамматики, можно понимать здесь в двойном смысле. Предлагаемая грамматика строится как синтезирующая данные о системе языка и о его реальном использовании в речи, главным образом, в рамках такой ее единицы, как высказывание. В этом смысле термин «функциональный» должен быть воспринят в значении «зависящий от деятельности» [2], и, следовательно, описываемый А. В. Бондарко тип грамматики, — это грамматика языка в его деятельности, языка в действии. Присутствует, однако, в значении термина и другой смысл — «относящийся к функциям языковых единиц и к формулам их функционирования», а в этом смысле «функциональная грамматика» представляет собой грамматику, базовым понятием которой является понятие функции языковых единиц и совокупности функций, выделенных по тому или иному основанию. Функциональная грамматика, по А. В. Бондарко, это описание языка, во главу угла которого положены такие сложные и объемные единицы описания, как ФСП, выделенные по принципу общности выполняемых составляющими поля функций, а также реализующие определенные смысловые цели этих функций содержательные структуры — категориальные ситуации (КС).

В более специальном значении ФГ может быть, следовательно, охарактеризована «как грамматика функционально-семантических полей и категориальных ситуаций» (с. 21), причем анализ тех и других, приводящий к подробному описанию каждого из выделенных полей и каждой из доминирующих категориальных ситуаций и различным классификациям тех и других, замыкается на анализе высказывания в его семантическом (сигнификативном) аспекте. Введенные автором понятия ФСП и КС служат, таким образом, объяснению формирования семантики высказывания, а, значит, помогают понять одну из наиболее сложных проблем современной лингвистики: вопрос о том, как складывается значение предложения (ср. [3, 4]).

ФСП имеют две формы существования в языке, две проекции: в систему языка, с одной стороны, и в закономерности их использования, т. е. в речь, с другой

(с. 102). Последнее связывает их с КС, ибо КС — это типовая содержательная структура, базирующаяся на определенном ФСП и репрезентирующая в высказывании тот или иной вариант семантической категории, лежащей в основе ФСП.

В отличие от традиционной грамматики, уделявшей главное внимание выделению и описанию объединений, учитывающих общие формальные признаки единиц, в функциональной грамматике с ее понятием ФСП учитываются признаки семантические. И хотя ФСП определяется как «двухстороннее (содержательно-формальное) единство, охватывающее конкретные средства данного языка со всеми особенностями их формы и содержания», в основе этого единства лежит определенная семантическая категория, некий семантический признак, проходящий в виде инварианта через всю систему разнородных средств одного поля (см. с. 21). Примечательной чертой поля как единицы грамматического описания является, на наш взгляд, включение в него наряду с морфологическими, синтаксическими и словообразовательными средствами лексическими (см. также ниже), т. е. всех средств, «объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций» (с. 22). Таким образом, именно выполнение языковой единицей определенной семантической функции становится основанием для того, чтобы причислить данную единицу к определенному ФСП и рассматривать ее на фоне прочих единиц (средств) того же поля. Определяющая роль понятия семантической функции для описания всего поведения языковой единицы постулируется, таким образом, вполне недвусмысленно.

Мысль о том, что «основанием для объединения структурно разнородных языковых средств в составе данного поля является общность их семантических функций» (с. 38), воспринимается нами как ключ ко всей функциональной грамматике, но, признавая это, мы должны признать не только основополагающее значение понятия функции для всей концепции А. В. Бондарко, но и то, что трактовка понятия функции вообще и семантической функции в частности выводит функциональную грамматику за пределы собственно грамматического описания и приближает предлагаемую систему к характеристике особой модели функционирования языка.

В наших терминах модель, предлагаемая А. В. Бондарко, это модель поэтического пространства языка, проекция его содержательных возможностей, изображаемых с помощью системы ФСП, это стратификация семантических категорий в том их виде, в каком они объективиро-

ваны в системе языка средствами разных уровней, единицами разной протяженности и разной структуры. И именно потому, что семантическая категория описывается не умозрительно, а в «привязке» к реализующим ее языковым формам, предлагаемая модель позволяет установить и описать многие черты и свойства языковых единиц в новом ракурсе и, главное, в более полном виде. Основную роль в решении этой задачи и призывы осуществить понятия функции и формулы функционирования отдельно взятых языковых единиц.

По нашему убеждению, все сказанное позволяет утверждать, что хотя на страницах книги речь все время идет подчеркнуто о новом типе грамматики, синтезирующем направление анализа «от формы (средств) к значению (функции)» и направление анализа «от значения (функции) к форме (средствам)», перед нами исследование, ставящее и решающее вопрос о том, что должно быть включено в описание языка вообще, т. е. тогда, когда границы грамматики пересматриваются в направлении их существенного расширения и «раздвижения». Возможно, такой широкий выход за пределы области исследования, установленные традиционной грамматикой, и покажется некоторым грамматикам неоправданным. Так, лексические средства передачи значений, являющихся в данном языке выражающимися в первую очередь грамматически, еще никогда не включались в грамматическое описание в таком объеме. Трудно также представить себе реально, чтобы для отдельного поля можно было охарактеризовать «полный состав» средств (см. с. 25), как и для отдельной грамматической формы — все случаи ее употребления. Но ведь ФГ не ставит своей целью отменить существующие грамматики, рассчитанные не только на решение иных задач, но и на другого адресата и, главное, предполагающие иную степень детализации и иную ступень обобщения и абстракции.

Интересно поэтому рассмотреть ФГ А. В. Бондарко на фоне других направлений современной грамматической мысли, особенно тех, которые тоже используют в качестве центрального понятия функции.

Современное состояние лингвистики характеризуется, как никогда ранее, почти одновременным выдвиганием нескольких новых моделей описания грамматического строя языка. Достаточно вспомнить в этой связи о грамматике Монтегю и других разновидностях категориальных грамматик, о грамматике надежной и ролево-референциальной, о грамматике зависимостей и грамматике текста, о когнитивной грамматике и некот. др. А ведь параллельно с ними пишутся по-прежне-

му грамматики традиционного типа и продолжают развиваться стратификационная и тагменная грамматики. Но, по-видимому, одним из наиболее престижных типов грамматики считается сегодня функциональная.

Такое положение дел, конечно, не случайно и может быть объяснено рядом причин. С одной стороны, традиционная грамматика с ее привычным противопоставлением морфологии и синтаксиса и с явным креном в сторону более полного описания морфологических характеристик уже не может справиться с теми реальными требованиями, которые предъявляются сегодня к грамматическому исследованию и которые, например, сказываются более всего в понимании роли синтаксиса. Таким образом, традиционные грамматики обнаруживают при всей их неоспоримой ценности существенные пробелы в представлении языковых данных, неполно отражая картину использования языка. С другой стороны, выявились и обнажились просчеты и недочеты трансформационно-генеративной грамматики, которая весьма долго выдавалась за рубежом за последнее слово лингвистической науки. Наконец, немаловажно и то, что принципы грамматического описания должны быть согласованы с общими взглядами на природу языка, функциональная же грамматика возникает в рамках наиболее перспективного и прогрессивного (коммуникативного) подхода к языку и способствует распространению и доказательному подтверждению правомерности и целесообразности рассмотрения языка во всем разнообразии и многообразии конкретных целей его использования.

Примечательно в этом отношении свидетельство С. Дика на последнем Международном конгрессе лингвистов, когда он подчеркнул в своем докладе: «Функционально-ориентированный подход к анализу естественного языка быстро завоевывает в настоящее время популярность. Это и функциональное рассмотрение предложения (Пражская школа) и продолжение этой линии в функционально-генеративной грамматике (Сгалл и др.), это функциональный синтаксис (Куно), системная, функциональная грамматика (Холлидей), лексическая функциональная грамматика (Бреснан) и другие направления... функциональная грамматика намерена стать теорией организации естественного языка в его модальной функции...» [5], см. также [6].

Книга А. В. Бондарко находится в русле тех же поисков и вполне может расцениваться как вклад в грамматическую часть коммуникативной лингвистики и одновременно — как часть «теории организации естественного языка». Интересно, однако, рассмотреть концепцию

автора и с точки зрения его понимания кардинального как для всех версий функциональных грамматик, так и для функционального подхода в его разных трактовках понятие функции, поскольку именно разная интерпретация этого понятия имеет своим следствием разнообразие подходов и грамматик, именуемых нерасчлененно функциональными.

По А. В. Бондарко, в понятии функции должны быть совмещены два ее начала — целевое, соответствующее распространенной трактовке функции как цели, назначения единицы, и потенциальное, заключающееся в способности данной единицы к реализации определенных целей. Для выявления этих свойств анализируемой единицы исследователь и должен, собственно, идти разными путями: «потенциальный аспект связан прежде всего с грамматическим описанием в направлении от формы к значению (от средств к функциям)», целевой же аспект должен, однако, «изучаться и описываться как в направлении от формы к значению (от средств к функциям), так и в противоположном направлении — от значения к форме (от функции к средствам)» (с. 31). Сочетанием этих двух разных направлений достигается известная сбалансированность содержательных и формальных моментов в определении функции, а в известной мере — ее системного (статического) и динамического аспекта. В целом, однако, предлагаемая трактовка понятия функции существенно отличается от принятой в математике и логике, где определяющим признаком оказывается, по всей видимости, признак зависимости между двумя величинами, а, следовательно, и взаимосвязанности изменения одной величины при изменении другой. В традициях зарубежного языкознания, начатого, по-видимому, введением понятия функции в лингвистическое исследование у глоссематиков (см. об этом подробнее у Ю. С. Степанова [7]) и представленного в ряде версий функциональной грамматики, — следовать скорее указанной выше трактовке. В этом отношении, как, впрочем, и при различении понятия функции и понятия значения, А. В. Бондарко развивает свою собственную концепцию лингвистических функций языковых единиц, и это обуславливает, естественно, отличие его грамматической теории от других функциональных теорий (см. их освещение у Н. А. Слосаревой в [8]).

Еще одно существенное отличие рассматриваемой концепции можно усмотреть в попытке синтезировать данные об использовании языка как с позиции слушающего, так и с позиции говорящего. Так как в актах речи представлены два разных механизма — механизм порождения речи, с одной стороны, и механизм

ее восприятия и понимания, с другой, существующие каноны грамматического описания ориентировались то на один, то на другой из этих механизмов. Традиционная грамматика была ближе к позиции слушающего, трансформационно-генеративная грамматика — к позиции говорящего, и этот интерес к порождению речевого высказывания сохранили во многом и функциональные грамматики, связанные по своим истокам с грамматиками порождающими. Знаменательно поэтому, что описывая весь диапазон обязанностей языковых единиц, весь круг этих обязанностей, А. В. Бондарко стремится отразить в формуле функционирования и то, чему обычно служит единица, и то, что обычно ассоциируется с ее употреблением. Чтобы охарактеризовать ту или иную функцию, нужны членочные операции, подобные же членочные операции — уже не в лингвистическом анализе, а в практике использования языка — совершает человек, выступая то в роли говорящего, то в роли слушающего и овладев з н а н и я м и функций языковых единиц.

Последнее позволяет подчеркнуть еще одну примечательную особенность концепции А. В. Бондарко — стремление аргументировать ее не только лингвистически, но и психолингвистически, т. е. верифицируя ее наблюдениями за реальной речевой деятельностью говорящего.

Не все в концепции А. В. Бондарко еще до конца ясно, не все кажется одинаково убедительным, и, конечно, о некоторых вещах можно было бы и поспорить. Не ясно, например, как определится конечный список ФСП: если отправляться изначально от формы, исследователь будет ограничен набором уже известных грамматических значений, а обращение к их значениям вряд ли принесет нечто принципиально новое, т. е. выявит нечто, помимо нюансов значения. Если же задавать исходный список ФСП чисто умозрительно, где гарантия, что он окажется достаточно полным или достаточно представительным? Каким образом можно обеспечить также известную рядоположность номенклатуры ФСП?

Другой серией спорных проблем оказывается и та, которая связана с ориентацией ФГ на высказывание и вообще на семантику предложения. С расширением же непосредственных объектов исследования возникнет и вопрос о том, где найдут себе место в ФГ некоторые текстовые грамматические категории (не только таксисные).

Выше мы указывали и на вопрос о том, насколько реально учесть в грамматическом описании все действительно особенности употребления равноуровневых и тем более лексических единиц. Ведь,

конечно, по мере чтения книги возникают эти, а, возможно, и другие вопросы. Но главное, все же не в этом.

Книга А. В. Вондарко стимулирует мысли, раздвигает горизонты грамматического исследования, вводит в это последнее факты, явления и единицы, ассоциировавшиеся дотоле с другими уровнями языка, — лексикой, словообразованием, предлагая программу глобального описания разноуровневых единиц языка при выполнении ими сходных или тождественных функций и в процессах их тесного взаимодействия друг с другом. Она, несомненно, найдет широкий круг читателей, которые, надо надеяться, извлекут из нее не только полезные и интересные сведения, но и увидят в ней своеобразное руководство к действию — рациональный путь исследования языка в его функциональном аспекте.

Кубрякова Е. С.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Серебрянников Б. А.* Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предзнаменность описания // Принципы описания языков мира. М., 1976.
2. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 10-е изд. М., 1978. С. 789.
3. *Слобин Д.* Психолингвистика // *Слобин Д., Грин Д.* Психолингвистика. М., 1976. С. 29.
4. *Кубрякова Е. С.* Актуальные проблемы современной семантики. М., 1984. С. 57.
5. *Dik S. C.* Some basic principles of functional grammar // Proceedings of the XIIIth International congress of linguists. Tokyo, 1983. P. 74.
6. *Колшанский Г. В.* Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. С. 170.
7. *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975. С. 228.
8. *Слосарева Н. А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981. С. 7.

Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка). М.: Высшая школа, 1984. 211 с.

Проблематика книги — исследование механизма построения экспрессивной речи, выявление лингвистических основ синтаксической экспрессии, поиск путей выхода лингвистической теории в научно обоснованное «нормирование» выразительной речи — находится в русле одного из наиболее актуальных направлений современного языкознания. Известно, что в последние десятилетия намечилось изменение общей ориентации языкознания, которое ознаменовалось переходом от изучения языка как формальной системы, абстрагированной от условий его использования, к рассмотрению языка как средства коммуникативного взаимодействия, осуществляющегося в социальном контексте. Лингвисты обратились к изучению «языка в действии» [1]. О. В. Александрова рассматривает экспрессивность языка в его реальном коммуникативном функционировании. И это определяет своевременность появления рецензируемой книги, которая намечает решение одной из насущных проблем прагматической лингвистики — проблемы разработки правил, управляющих процессом развертывания речи [2].

Теоретическая ценность книги определяется прежде всего тем, что изучение экспрессивной функции языка как средств

ва общения относится к одной из фундаментальных проблем языкознания [3, 4].

Название книги тесно связано с общеметодологической основой изучения экспрессивности — тезисом В. И. Ленина о сущности познания, о том, что «без „человеческих эмоций“ никогда не было, нет и быть не может человеческого *искания истины*» [5].

Наиболее важной по значимости является первая глава — «Роль предельных единиц в системе синтактико-стилистических отношений», где автор не просто декларирует постулат об экспрессивном синтаксисе, но показывает конкретные пути его изучения, излагает систему категорий, позволяющую наилучшим образом представить всю разнообразную картину действия синтаксических единиц в речи. Анализируются как чисто языковые категории коннотативности, клишированности, идиоматичности, так и категории, обусловленные экстралингвистическими факторами (категории социолингвистической и концептуальной обусловленности). О. В. Александрова конкретно и четко разъясняет смысл каждой из перечисленных категорий. Опираясь на марксистско-ленинский диалектический метод, определявший системный подход к изучаемым явлениям, требующий их